

Секция «Журналистика»

Экстериоризация как способ художественного моделирования образа в новелле Г. фон Клейста «Михаэль Кольхаас»

Доманова Дарья Александровна

Студент

Ставропольский государственный университет, Факультет филологии и журналистики, Ставрополь, Россия

E-mail: cherrycom17@ya.ru

По словам Томаса Манна, в новелле «Михаэль Кольхаас» (1810), «может быть, самой сильной из написанных на немецком языке» [Манн: 240], предстает в полной мере «весь Клейст, и это тоже кое-что значит» [Там же: 241].

В качестве исходной позиции примем предложенную И.А. Щировой базовую дихотомию произведения, основывающуюся на интериоризации и экстериоризации. В экстериоризированных текстах в соответствии с авторской интенцией «отдельные компоненты текста наделяются способностью указывать на чувство, не называя его, при этом детали, имплицитные внутренний мир, принадлежат не внутрличностному, а внешнесобытийному ряду произведения. Подразумевая внутреннее, они называют внешнее. Объективируя субъективное (чувство), они объективируют само повествование» [Щирова 2003: 4].

В отношении текста новеллы представляется обоснованным говорить не о характере, а о типе. В.Е. Хализев отмечал, что тип есть «воплощение в персонаже какой-то одной черты, одного повторяющегося человеческого свойства», в то время как характер предполагает «внутреннюю сущность человека, которая сложна, многопланова и не всегда сколько-нибудь полно явлена во внешнем» [Хализев: 35-36].

Анализ текста Клейста позволяет заключить, что все его персонажи, включая и самого Кольхааса, лишены, говоря словами Гегеля, «взаимопроникновения пафоса и внутреннего индивидуального мира ... души». Это положение может быть подтверждено при анализе изображения различных эмоциональных состояний персонажей, которое можно обозначить как стереотипное, клишированное, подчеркнуто функциональное, опирающееся исключительно на внешние симптомы, признаки или действия.

В тексте новеллы все персонажи редуцированы до уровня исполнителя общественной или художественной функции; этим и обусловлены клишированность, стереотипность, подчеркнутое доминирование внешних проявлений внутренних состояний и эмоциональных процессов персонажей. Отчетливей всего данная авторская позиция прослеживается на примере наиболее эмоционально реагирующего персонажа, чья судьба является своего рода трагической моделью взаимоотношений между индивидуумом как единицей социума и государственно-правовой социальной системой, на примере образа любящей жены протагониста – Лисбет. Приведем контексты, демонстрирующие ее эмоциональное состояние: «Лисбет побледнела, это услышав»; «Жена Кольхааса ходила взад и вперед по комнате; грудь ее вздымалась так, что косынка, которую к тому же тербил ребенок, казалось, вот-вот упадет с плеч» [Клейст: 435-436].

Побледнеть, покраснеть, побелеть – вот те детали внешнесобытийного ряда, которые в новелле Клейста указывают на изменение внутреннего состояния персонажей. Даже в приведенных контекстах, представляющих кульминационные моменты сюжета,

читатель не получает доступа к внутреннему миру персонажей, кроме как исключительно через внешние проявления. А «расшифровка «овнешняющей» детали, будь то жест, который выдает скрытую нервозность, или улыбка, . . . , всегда требует активной мысли. Читатель должен догадаться об умалчиваемом» [Щирова, Гончарова: 327]. И это относится не только к второстепенным фигурам действия, но и – за немногими исключениями – к главному действующему лицу – Кольхаасу, что тоже подтверждается текстом: «Кольхаас, *сильно побледнев*, с наигранным лукавством спросил. . . » [Клейст: 436]; «*Лицо его сделалось багровым*, обнажив голову, он вновь перечитал написанное» [Там же: 451]; «*Кольхаас с болезненно искаженным лицом прижал обе руки к груди*, последовал за слугой» [Там же: 455]; «Достопочтенный господин и учитель, – *краснея*, проговорил Кольхаас, *прикоснувшись* к его руке» [Там же: 454]; «Кольхаас, спустив наземь детей, . . . , с пылающим взором читал решение суда» [Там же: 496].

Такое подчеркнутое ограничение персонажей чисто внешними, функциональными факторами еще более очевидно в авторских характеристиках второстепенных действующих лиц. О преданном слуге Кольхааса Херзе, кроме его имени, сообщаются минимально необходимые для понимания фабульного развития сведения. Антагонисты Кольхааса выглядят, как это ни странно, тоже невыразительно. До первого упоминания имени юнкера фон Тронка текст опосредованно сообщает о характере и роли персонажа, конечно, лишь через восприятие безмянных сборщика дорожных пошлин и замкового кастеляна, охарактеризованного опять-таки по внешним, материальным признакам как «на ходу застегивавшего жилетку на обширном животе» [Клейст: 422]. Подобным образом дается и описание многочисленных дворян, включая курфюрста Саксонского, и описание двух родственников юнкера – Хинца и Кунца – имена которых уже на основании их фонетического сходства свидетельствуют о заменяемости, то есть о полном отсутствии индивидуальности.

Литература

1. Клейст Г. Избранное. Драммы, новеллы, статьи. Вступит статья А. Карельского. М., 1977.
2. Манн Т. Генрих фон Клейст и его повести // Иностранная литература. 2003. №9. С.234-245.
3. Хализев В.Е. Теория литературы. М., 1999.
4. Щирова И.А. Психологический текст: деталь и образ. СПб., 2003.
5. Щирова И.А., Гончарова Е.А. Многомерность текста: понимание и интерпретация. СПб., 2007.

Слова благодарности

Выражаю благодарность своему научному руководителю Серебрякову Анатолию Алексеевичу